

Как писать книги

Автор:

[Стивен Кинг](#)

Как писать книги

Стивен Эдвин Кинг

Король на все времена

Это, пожалуй, самая необычная из книг Стивена Кинга. Книга, в которой автобиографические, мемуарные мотивы соседствуют не только с размышлениями о писательском искусстве вообще, но и с самыми настоящими «профессиональными советами тем, кто хочет писать как Стивен Кинг».

Как формируется писатель? Каковы главные «секреты» его нелегкого «ремесла»? Что вообще необходимо знать и уметь человеку, чтобы его творения возглавляли международные списки бестселлеров?

Вот лишь немногие из вопросов, на которые вы найдете ответы в этой книге. Вы действительно хотите писать как Стивен Кинг? Тогда не пропустите эту книгу.

В формате pdf.a4 сохранен издательский макет.

Стивен Кинг

Как писать книги

Если не указано иное, все примеры прозы, хорошей и плохой, принадлежат автору.

Авторское уведомление

«Честность – лучшая политика».

Мигель де Сервантес

«Лжецы преуспевают».

Неизвестный автор

Предисловие первое

В начале девяностых (может быть, где-то в девяносто втором, но хорошее время трудно вспомнить точно) я вступил в рок-группу, состоящую в основном из писателей. «Рок-Боттом-Римейндерс» была выдумкой Кэти Кеймен Голдмарк, книжной обозревательницы и музыкантши из Сан-Франциско. В группу входили: Дейв Барри – гитара, Ридли Пирсон – бас-гитара, Барбара Кинг – клавишные, Роберт Фалгэм – мандолина, и я – ритм-гитара. Было еще трио «поющих девиц», а-ля «Дикси Капс», составленное (обычно) из Кэти, Тад Бартимус и Эми Тан.

Группа намечалась как разовая – мы собирались сыграть два представления на Американской книжной ярмарке, рассмешить публику, вспомнить зря потраченную юность и разбежаться.

Это не получилось, потому что группа так и не распалась. Оказалось, что нам слишком нравится играть вместе, чтобы это прекратить, и с парой «подставных» музыкантов на саксе и ударных (а в ранние времена с нами был наш музыкальный гуру Эл Купер как сердце группы) мы звучали ничего себе. Можно было бы даже заплатить, чтобы нас послушать. Не кучу денег, не по цене лучших стритбэндов, но столько, сколько в прежние времена называли «на закуску». Мы поехали с группой в тур, написали о ней книгу (моя жена записала фонограмму и танцевала под нее, когда ей хотелось, то есть часто) и продолжали себе играть – иногда как «Римейндерс», иногда под именем «Раймонд Беррз Легз». Люди приходили и уходили – колумнист Митч Албом сменил Барбару на клавишных, а Эл больше не играет с группой, потому что они

с Кэти не уживаются, – но ядро осталось, как было: Кэти, Эми, Ридли, Дейв, Митч Албум и я... плюс еще Джош Келли на ударных и Эразмо Паоло на саксе.

Делаем мы это ради музыки, но и ради компании тоже. Нам друг с другом хорошо, и у нас есть шанс поговорить иногда о настоящей работе, ежедневной работе, которую нам всегда советуют не бросать. Мы – писатели и потому никогда не спрашиваем друг у друга, где мы берем идеи. Мы знаем, что не знаем.

Однажды вечером мы ели китайскую еду перед концертом в Майами-Бич, и я спросил Эми, есть ли вопрос, который ей никогда не задавали на вечерах вопросов и ответов, случающихся после выступления практически любого писателя. Вопрос, на который никогда не найти ответа, когда стоишь перед группой фэнов, пораженных видом живого автора, и делаешь вид, что ты даже штаны надеваешь не так, как это делают обыкновенные люди. Эми помолчала, очень тщательно обдумывая, и потом сказала: «Никто никогда не спрашивал о языке».

За этот ответ я у нее навечно в долгу. Я уже год вертел в голове мысль написать книгу о писательстве, но каждый раз отступал, потому что не понимал своих мотивов. С чего бы это мне хотеть написать книгу о писательстве? С чего я взял, что у меня есть что сказать?

Очевидный ответ: потому что человек, который столько книг продал, наверняка может что-то стоящее сказать о том, как их пишут. Но очевидный ответ не всегда верный. Полковник Сандерс продал чертову уйму жареных цыплят, но не думаю, что каждый мечтает узнать, как он это делает. Если уж мне хватает самонадеянности рассказывать людям, как писать книги, видимо, на то должна быть более веская причина, чем мой успех у публики. Другими словами, я не хотел писать книгу, даже такую короткую, если потом чувствовал бы себя либо литературной пустышкой, либо трансцендентальным кретином. Таких книг – и таких писателей – сегодня на рынке и без меня полно. Так что спасибо.

Но Эми была права: о языке никто никогда не спрашивает. Спрашивают Де Лилло, Апдайков и Стайронов, но не авторов популярных романов. Хотя многие из нас, пролетариев, тоже пекутся о языке – в меру своих скромных сил, и страстно пекутся об искусстве и ремесле рассказчика историй на бумаге. Дальше следует попытка кратко и просто записать, как я пришел к ремеслу, что я теперь о нем знаю и как это делается. Я говорю о ежедневной работе; о языке.

Эта книга посвящается Эми Тан, которая очень просто и прямо сказала мне, что писать такую книгу можно.

Предисловие второе

Книга эта короткая, потому что почти все книги о писательстве набиты враньем. Авторы беллетристики (я говорю и о присутствующих) не очень понимают, что они делают и почему получается книга иногда хорошая, а иногда плохая. И я думаю, что чем короче книга, тем меньше вранья.

Одно заметное исключение из этого правила о вранье – «Элементы стиля» Уильяма Стрэнка-младшего и Е. Б. Уайата. В этой книге вранье почти или совсем не обнаруживается. (Конечно, книга короткая; восемьдесят пять страниц – куда короче вот этой.) Я скажу прямо здесь, что любой начинающий писатель должен прочесть «Элементы стиля». Правило семнадцать в главе под названием «Принципы композиции» гласит: «Ненужные слова опускать». Я попытаюсь это сделать.

Третье предисловие

Одно из правил игры, не сформулированное в этой книге прямо, гласит: «Редактор всегда прав». Следствие состоит в том, что ни один писатель не станет принимать все советы своего редактора, ибо все грешны и далеки от редакторского совершенства. Иначе говоря, пишут человеки, редактируют – боги. Эту книгу редактировал Чак Веррилл, как и много-много моих романов. И как всегда, Чак, ты был богом.

Стив

C.V.[1 - Curriculum vitae – жизнеописание (лат.).]

Меня поразили мемуары Мэри Карр «Клуб лжецов». Не свирепостью, не красотой, даже не потрясающим народным языком, но своей тотальностью. Это женщина, которая помнит о своих ранних годах все.

Я не таков. Я прожил необычное, рваное детство, воспитывался одинокой родительницей, которая много моталась по стране и которая – в этом я не до конца уверен – временами пристраивала нас с братом к какой-нибудь из своих сестер, потому что экономически или эмоционально не могла нас тащить. Может, она всего лишь гонялась за нашим отцом, который накопил кучу самых разных счетов и потом драпанул, когда мне было два года, а брату Дэвиду – четыре. Если так, то найти его ей не удалось. Моя мамочка, Нелли Рут Пилсберри Кинг, была одной из первых эмансипированных американок, но не по своей воле.

Мэри Карр представляет свое детство почти целостной панорамой. Мое же – туманный ландшафт, из которого кое-где торчат отдельными деревьями воспоминания... и вид у них такой, будто они тебя хотят схватить и, быть может, сожрать.

То, что рассказывается дальше, – это некоторые из таких воспоминаний плюс россыпь моментальных снимков из несколько более упорядоченных дней моего отрочества и раннего возмужания. Автобиографией это не назовешь. Это скорее биографические страницы – моя попытка показать, как сформировался один писатель. Не как человек сделался писателем. Я не верю, что писателем можно сделаться в силу обстоятельств или по собственной воле (хотя когда-то в это верил). Нужен некоторый набор исходного оборудования. И это оборудование никак не назовешь необычным – я верю, что у многих людей есть какой-то хотя бы минимальный талант писателя и рассказчика, и этот талант можно укрепить и заострить. Не верь я в это, написание этой книги было бы потерей времени.

Здесь то, как это было со мной, только и всего – хаотический процесс роста, в котором играло роль все – честолюбие, желание, удача и капелька таланта. Не старайтесь читать между строк и не пытайтесь искать глубокую идею. Строк здесь нет – только моментальные снимки, да и те почти все не в фокусе.

Мои самые первые воспоминания – о том, как я воображал, будто я не я, а кто-то другой – на самом деле силач из цирка братьев Ринглинг. Было это в доме моей тети Этелин и дяди Орена в Дерхеме, штат Мэн. Моя тетка это отлично помнит и говорит, что мне тогда было два с половиной года, может быть, три.

Я нашел в углу гаража шлакоблок и сумел его поднять. Я медленно нес его по гладкому цементному полу, только в своем воображении я был одет в комбинезон из шкуры зверя (наверное, леопарда) и нес шлакоблок через арену. Огромная толпа затихла. Ослепительно яркий прожектор выхватывал из тьмы мою уверенную поступь. Удивленные лица говорили одно и то же: такого невероятно сильного ребенка они в жизни не видели. «И ведь ему только два!» – еле слышно произнес чей-то недоверчивый голос.

Вот только я не знал, что в нижней части шлакоблока построили гнездышко осы. Одна из них, наверное, разозленная тем, что ее куда-то тащат, вылетела и ужалила меня в ухо. Боль была яркой, как ядовитое вдохновение. Такой боли я не испытывал за всю свою короткую жизнь, но она недолго оставалась в центре внимания. Когда я уронил шлакоблок на босую ногу, раздавив все пять пальцев, оса тут же забылась. Не могу припомнить, как меня везли к доктору, и тетя Этелин (дядя Орен, которому и принадлежал Злобный Шлакоблок, уже двадцать лет как умер) тоже не помнит, но она помнит укус осы, раздавленные пальцы и мою реакцию. «Ну ты и выл, Стивен! – сказала она. – Ты явно был в голосе».

2

Где-то через год мы с матерью и братом оказались в Уэст-де-Пер, штат Висконсин. Почему – не знаю. Другая сестра матери (королева красоты вспомогательного женского корпуса во время Второй мировой войны) жила в Висконсине со своим компанейским и пиволюбивым мужем, и, быть может, мамочка перебралась к ним поближе. Я не помню, чтобы часто видел Уэймеров. Кого-либо из них. Мама работала, но вспомнить, что это была за работа, я тоже не могу. Хочется сказать, что это была пекарня, но это, как я думаю, было потом, когда она переехала в Коннектикут поближе к своей сестре Лоис и ее мужу (Фред пива не пил и общительностью тоже не отличался; был он стрижен ежиком и гордился – Бог его знает, почему, – что на машине с откидным верхом никогда верх не откидывает).

В наш висконсинский период через нас прошел поток нянек. Не знаю, уходили они потому, что мы с Дэвидом были детками нелегкими, или находили работу, где лучше платят, или потому, что мать требовала более высоких стандартов, чем те, которых они привыкли держаться; знаю только, что их было много. Единственная, кого я ясно помню, была Эйла, а может, и Бейла. Ей было лет четырнадцать, была она огромна, как дом, и много смеялась. У Эйлы-Бейлы было чудесное чувство юмора, и я даже в свои четыре года это понимал, но это было опасное чувство юмора – в каждом выбросе безыскусной радости с хлопанием рук, колыханием зада и откидыванием головы чувствовался скрытый гром. Когда я вижу все эти съемки скрытой камерой, где настоящие няньки и сиделки вдруг разворачиваются и дают ребенку затрещину, я вспоминаю свои дни с Эйлой-Бейлой.

С Дэвидом, моим братом, она обходилась так же круто, как со мной? Не помню. Его на этих картинках нет. Кроме того, он меньше был подвержен опасности урагана Эйла-Бейла – в свои шесть лет он уже был в первом классе и почти весь день был вне досягаемости.

Эйла-Бейла, бывало, трепалась по телефону, с кем-то там ржала, подзывала меня. Она начинала обнимать меня, щекотать, смешить и вдруг, не переставая смеяться, давила мне на голову так, что я падал. Тогда она щекотала меня босой ногой, пока мы снова оба не начинали смеяться.

А еще она здорово умела пукать – громко и пахуче. Иногда, когда у нее подкатывало, она бросала меня на диван, нависала надо мной своей шерстяной юбкой и пускала ветры.

– Пу-у! Вау!!! – кричала она в восторге.

Это как если бы ты угодил в фейерверк болотных газов. Помню темноту, чувство, будто задыхаюсь, и помню, что смеялся. Потому что это было хотя и страшно, но все равно весело. Во многом Эйла-Бейла подготовила меня к литературной критике. Когда двухсотфунтовая нянька пукнет тебе в лицо с криком «Вау!», «Виллидж Войс» мало чем тебя может напугать.

Не знаю, что бывало с другими няньками, но Эйлу-Бейлу прогнали. Это все случилось из-за яиц. Однажды утром Эйла-Бейла поджарила мне на завтрак яйцо. Я его съел и попросил еще. Она поджарила мне еще одно и спросила, не

хочу ли я добавки. В глазах у нее ясно читалось: «У тебя не хватит наглости попросить еще одно, Стиви». Потому я попросил добавки. И еще попросил. И еще. И так далее. Кажется, я остановился после седьмого – это число у меня застряло в мозгу, и очень отчетливо. Может быть, в доме кончились яйца. Или я сдался. Или Эйла-Бейла испугалась. Не знаю, но, наверное, хорошо, что игра окончилась на семи. Семь яиц для четырехлетнего карапуза достаточно много.

Сначала я себя отлично чувствовал, а потом сбилевал на пол. Эйла-Бейла заржала, потом нависла у меня над головой, а потом запихнула меня в чулан и заперла. Вау! Запри она меня в туалете, может, и не потеряла бы работу, но она заперла меня в чулане. Там было темно, зато пахло мамиными духами «Коти», и утешала полоска света под дверью.

Я отполз в чулан поглубже, по лицу меня задевали мамины пальто и платья. И началась у меня отрыжка – долгая и громкая, которая жгла как огонь. Не помню, чтобы меня стошнило, но, наверное, так и было, потому что вместо очередной отрыжки я снова блеванул. На мамины туфли. И это был конец Эйлы-Бейлы. Когда мама вернулась с работы, нянька спала на диване, а маленький Стиви был заперт в чулане и крепко спал с засохшей на волосах полупереваренной яичницей.

3

Наше пребывание в Уэст-де-Пере не было ни долгим, ни успешным. Нас выгнали с квартиры на третьем этаже, когда сосед заметил, как мой шестилетний брат ползает по крыше, и вызвал полицию. Не знаю, где была мама, когда это случилось. Помню только, как я стоял в туалете на радиаторе и глядел в окно – упадет мой брат с крыши или доберется до окна. Он добрался. Сейчас ему пятьдесят пять, и он живет в Нью-Гэмпшире.

4

Когда мне было лет пять или шесть, я спросил у матери, видела ли она, как человек умирает. Да, ответила она, видела, как умер один человек, и слышала, как умер другой. Я спросил, как это можно – слышать, как умирает человек, и она мне рассказала, что это была девочка, которая утонула возле Праутс-Нек в 1920 году. Девочка заплыла за линию прибоя и не смогла вернуться. Она стала звать на помощь, и несколько человек попытались ей помочь, но в этот день было сильное подводное течение от берега, и им пришлось вернуться. И вышло так, что все, кто там был, туристы и горожане, и с ними девочка, которая потом стала моей мамой, вынуждены были стоять на берегу и слушать, как девочка кричала, пока у нее не кончились силы и она не ушла под воду. Мама сказала, что ее тело вынесло возле Нью-Гэмпшира. Я спросил, сколько лет было девочке, и мама сказала – четырнадцать, а потом почитала мне комиксы и уложила спать. В другой раз она рассказала мне про того, которого видела, – про моряка, который спрыгнул на улицу с крыши «Глеймор-Отеля» в Портленде, штат Мэн.

– Его расплескало, – сказала мама будничным голосом. Помолчала и добавила: – А то, что из него вылилось, было зеленое. Я этого не смогла забыть.

Так что не ты одна, мама.

5

Почти все девять месяцев, что я проучился в первом классе, я провел в постели. Все началось с обычной кори и пошло все хуже и хуже. У меня была болезнь, которую я по ошибке называл «полосатое горло». Я лежал в постели, пил холодную воду и представлял себе, что у меня горло внутри в белую и красную полоску (может быть, не так уж и ошибался).

В какой-то момент болезнь перекинулась на уши, и настал день, когда мама вызвала такси (она не водила машину) и отвезла меня в больницу к доктору слишком важному, чтобы он сам ходил по больным, – к специалисту по уху. (Почему-то я решил, что такой доктор называется отолог.) Мне все равно было, специалист он по уху или по заднице. У меня была температура сорок, и при каждом глотке вспыхивала боль, как лампочки в музыкальном автомате.

Доктор посмотрел мои уши, больше времени затратив (как мне кажется) на левое. Потом положил меня на осмотровый стол.

– Приподнимись-ка, Стиви, – сказала сестра и подложила какую-то материю – может, пеленку – мне под голову, и я опустил щеку на эту пеленку. Надо было мне допереть, что прогнило что-то в королевстве Датском. Черт его знает, может, я и допер.

Потом был резкий запах спирта. Звонкий щелк, когда ушной доктор открыл стерилизатор. Я увидел у него в руках иглу – длинную, как линейка в моем школьном пенале, – и напрягся. Доктор мне ободрительно улыбнулся и сказал ложь, за которую докторов немедленно надо прятать за решетку (и на двойной срок, если врут ребенку).

– Лежи спокойно, Стиви, это не больно.

Я поверил.

Он сунул иглу мне в ухо и проколол барабанную перепонку. Боль была такая, что мне ее сравнить не с чем – разве что с первым месяцем выздоровления летом 1999 года, когда на меня наехал автомобиль. Та боль была дольше, но не такая сильная. А такой боли, как от проколотого уха, вообще в мире нет. Я заорал. В голове у меня раздался звук – громкий чмок поцелуя. Из уха потекла горячая жидкость – будто я заплакал не из того отверстия. Видит Бог, я к тому времени уже отлично рыдал. Я поднял лицо и обратил неверящие глаза к ушному доктору и его сестре. Потом посмотрел на тряпку, которую сестра расстелила на треть стола. На ней было большое мокрое пятно с тонкими желтыми ниточками гноя.

– Ну вот и все, – сказал доктор, потрепав меня по плечу. – Ты очень храбро себя вел, Стив, и теперь все позади.

Через неделю мама опять вызвала такси, мы снова поехали к ушному доктору, и я снова оказался на боку на впитывающей тряпке, расстеленной на столе. Снова от ушного доктора пошел запах спирта – запах, который у меня и, я полагаю, у многих ассоциируется с болью, болезнью и страхом, – и снова появилась длинная игла. Он еще раз заверил меня, что будет не больно, и я еще раз ему поверил. Не до конца, но настолько, чтобы лежать спокойно, пока он лез иглой мне в ухо.

А оно было больно. На самом деле почти так же, как в первый раз. И чмокание в голове тоже было сильнее, будто целовались великаны («взасос и с языком», как мы когда-то говорили).

– Вот и все, – сказал доктор, когда все кончилось и я снова лежал, плача, в луже водянистого гноя. – Ты же не хочешь оглохнуть на одно ухо? Все уже, все.

Я в это верил еще дней пять, пока не приехало очередное такси. Мы поехали к ушному доктору. Помню, как таксист сказал маме, что сейчас остановится и высадит нас, если она не заставит ребенка замолчать.

И снова я лежал на столе головой на пеленке, а мама сидела в приемной, держа журнал, который не могла читать (так мне хочется думать). Снова бьющий в нос запах спирта, и доктор поворачивается ко мне, держа иглу длиной с мою школьную линейку. Снова та же улыбка, приближение, заверения, что уж в этот-то раз больно точно не будет.

С этих повторных проколов барабанной перепонки, с моих шести лет, одним из самых незыблемых моих принципов стало вот что: надул меня раз – пусть тебе будет стыдно. Надул меня второй раз – пусть стыдно будет мне. Надул меня третий раз – стыд нам обоим.

Лежа на столе ушного доктора в третий раз, я отбивался, вырывался, дрался и бился. Каждый раз, когда игла подбиралась к моему лицу, я ее отбивал в сторону. Наконец сестра позвала маму из приемной, и они вдвоем смогли продержать меня достаточно долго, чтобы доктор всунул свою иглу. Орал я так громко и долго, что сам до сих пор слышу. Наверное, где-то глубоко в ущельях мозга еще звучит эхо от этого крика.

6

В долгом унылом месяце вскоре после этого – должно быть, январь или февраль пятьдесят четвертого, я правильно понял последовательность событий – такси приехало снова. На этот раз это был не ушной доктор, а горловой доктор. И снова мама осталась в приемной, а я сидел на осмотрном столе, а рядом

маячила сестра, и был резкий запах спирта – аромат, от которого у меня до сих пор пульс за пять секунд подскакивает вдвое.

Но на этот раз появилась не игла, а какая-то швабра для горла. Вонючая и противная на вкус, но после иглы ушного доктора это было как прогулка в парке. Горловой доктор надел какую-то интересную штучку на ремне вокруг головы. Там в середине было зеркало, а из него бил резкий яркий свет, как третий глаз. Он долго смотрел мне в зев, требуя открыть рот пошире, так что у меня челюсти хрустнули, но он не тыкал в меня иглами, и я просто в него влюбился. Потом он позволил мне закрыть рот и позвал мою маму.

– Дело в миндалинах, – сказал доктор. – Они будто котом поцарапаны. Надо их убрать.

Потом я помню, как меня повезли на каталке под ярким светом. Надо мной наклонился человек в белой маске. Он стоял в головах стола, на котором я лежал (пятьдесят третий и пятьдесят четвертый были для меня годами лежания на столах), и для меня он был вверх ногами.

– Стивен, – спросил он, – ты меня слышишь?

Я сказал, что да.

– Мне надо, чтобы ты глубоко дышал, – сказал он. – Когда проснешься, съешь мороженого сколько захочешь.

И он опустил мне на лицо какую-то штуку. Перед взором памяти она мне сейчас кажется похожей на подвесной мотор. Я сделал глубокий вдох, и все стало черным. Когда я проснулся, мне, конечно, дали мороженого столько, сколько я хотел – классная шутка, потому что я не хотел совсем. Горло у меня распухло и выпирало из шеи. Но это было все же получше, чем шуточка с иглой в ухо. Несомненно. Уж лучше что угодно, чем игла в ухо. Пусть мне режут гланды, если надо, пусть строят на ноге стальную клетку, если уж так необходимо, но упаси меня Бог от ушных докторов.

В тот год мой брат Дэвид перескочил сразу в четвертый класс, а меня совсем забрали из школы. Для первого класса я пропустил слишком много, как сочли школа и моя мама, и лучше начать снова следующей осенью, если здоровье позволит.

Почти весь год я провел в постели или дома. Прочел примерно тонн шесть комиксов, перешел к Тому Свифту и Дейву Доусону (героический военный летчик времен Второй мировой войны, у которого все самолеты «вгрызались пропеллером в воздух, набирая высоту»), потом к историям Джека Лондона о животных. В какой-то момент я и сам начал сочинять. Творчеству предшествовало подражание: я перенес мир комиксов «Битвы Кейси» в собственную тетрадь, добавляя свои описания, где это казалось мне уместным. Я вполне мог написать что-нибудь вроде «Они встали лагерем на распушенной ферме»; еще года два прошло, пока я узнал, что «распушенный» и «запушенный» – разные слова. В тот же период я, помнится, считал, что «загубить» – значит закусить губу, а «сука» – это женщина очень высокого роста. «Сукин сын» – это должно было означать баскетболиста. В шесть лет еще не все шарики встали на место.

В конце концов я эти обезьянничанья показал маме, и она была очарована – помню ее слегка недоверчивую улыбку, будто она не могла поверить, что ее собственный ребенок такой умный – Боже мой, да просто вундеркинд! Никогда я не видел у нее такого лица – по крайней мере из-за меня, – и мне это очень понравилось.

Она спросила меня, сам ли я это написал, и я был вынужден признать, что почти все переписал из комикса. Она была слегка разочарована, и от этого почти вся моя радость растаяла. Потом она отдала мне тетрадь и сказала:

– Напиши свое, Стиви. Этот «Кейси» просто ерунда – он только и делает, что выбивает кому-нибудь зубы. Я знаю, что ты можешь написать лучше. Напиши свое.

Я помню охватившее меня чувство возможности этой идеи, будто меня ввели в огромный дом, полный закрытых дверей, и разрешили открывать любые, какие захочу. Дверей было больше, чем может открыть за свою жизнь один человек, – так я тогда думал. (И сейчас так думаю.)

Наконец я написал историю про волшебных зверей, которые ездили в старом автомобиле и выручали маленьких детей. Предводителем у них был большой белый зайчик по имени Хитрый Кролик. Ему досталось вести машину. Рассказ был длиной в четыре страницы, тщательно написанных карандашом печатными буквами. Насколько я помню, там никто не прыгал с крыши «Глеймор-Отеля». Закончив рассказ, я отдал его маме. Она села в гостиной, отложила роман, который читала, и прочла рассказ за один присест. Я могу твердо сказать, что он ей понравился – она смеялась там, где надо было, – но не знаю, было это потому, что она меня любила и хотела, чтобы я думал, будто рассказ хороший, или потому что он был хороший на самом деле.

– Это ты ниоткуда не переписывал? – спросила она, закончив читать. Я сказал, что нет, не переписывал. Тогда она сказала, что рассказ достаточно хорош, чтобы его напечатали в книжке. Никогда ни от каких ее слов я не был счастливее.

Я написал еще четыре рассказа про Хитрого Кролика и его друзей. За них мама мне дала по четвертаку за каждый и разослала их своим четверым сестрам, которые, как я думаю, малость ее жалели. Они-то были все замужем, и у них мужья никуда не сбежали. Да, правда, что у дяди Фреда плохо с чувством юмора и он упрямо держит верх автомобиля поднятым, правда и то, что дядя Орен пьет как лошадь и все время талдычит, что евреи правят миром, но они вот они. А Рут осталась с младенцем на руках, когда Дон сбежал, и пусть они хотя бы увидят, что это талантливый младенец.

Четыре рассказа. По четвертаку за каждый. Первый бакс, который я заработал в этом бизнесе.

Мы переехали в Стратфорд, в штате Коннектикут. Я к тому времени дошел до второго класса и был по уши влюблен в хорошенькую тринадцатилетнюю девчонку по соседству. Она на меня ни разу не взглянула, но ночью, когда я ложился в кровать и уплывал в сон, мы снова и снова сбегали из жестокого мира реальности. Мою новую учительницу звали миссис Тейлор. Это была добрая дама с седыми волосами Эльзы Ланчестер из «Невесты Франкенштейна» и выпученными глазами. «Каждый раз, когда мы с ней разговариваем, меня все время подмывает подставить ладошку, чтобы поймать их, если выскочат», – говорила моя мама.

Наша новая квартира на третьем этаже была на Уэст-брод-стрит. В квартале вниз по холму, неподалеку от универмага «Теддиз» и напротив магазина строительных материалов «Барретс», располагался сильно заросший пустырь, на дальнем конце – свалка и рельсы посередине. Туда я часто возвращаюсь в своем воображении, этот пустырь снова и снова всплывает под разными именами в моих книгах. В «Оно» дети называют его Пустырем, мы его называли джунглями. Почти сразу после переезда мы с Дэйвом стали его исследовать. Было лето. Было жарко. Было классно. Мы глубоко ушли в зеленые тайны этой новой площадки для игр, когда у меня случился срочный позыв облегчить кишечник.

– Дэйв, отведи меня домой! – потребовал я. – Мне надо по-большому!

Дэйву это не понравилось.

– Пойди в лес и там сделай, – сказал он. Вести меня домой – на это ушло бы не меньше получаса, и Дэйв менее всего был расположен тратить такое драгоценное время только потому, что братцу приспичило.

– Не могу! – возразил я, пораженный такой идеей. – Я же не смогу потереться!

– Еще как сможешь, – ответил Дэйв. – Листьями подотрись. Как ковбои и индейцы.

Наверное, все равно было уже поздно бежать домой. Думаю, что выбора у меня не было. А к тому же меня зачаровала сама идея – посрать по-ковбойски. Я был будто бы Хопалонг Кэссиди, засевший в подлеске с вынутым из кобуры пистолетом, чтобы его не застали врасплох за таким интимным делом. Свое дело

я справил и потом последовал совету старшего брата, тщательно вытерев задницу пучком блестящих зеленых листьев. Это оказался ядовитый плющ.

Через два дня я был сзади весь красный от колен до лопаток. Пенис не пострадал, но яички превратились в стоп-сигналы. Задница чесалась аж до самых ребер. Но хуже всего вышло с рукой, которой я подтирался: она распухла, как у Микки-Мауса, когда Дональд Дак стукнул по ней молотком, и между пальцами образовались огромные волдыри. Когда они лопнули, открылись глубокие язвы цвета сырого мяса. Полтора месяца я принимал теплые грязевые ванны, чувствуя себя жалким, несчастным и глупым, а за дверью мама с братом смеялись, слушая юмористическую передачу по радио и играя в «сумасшедшие восьмерки».

10

Дэйв был отличным братом, но слишком умным для своих десяти лет. Из-за своих мозгов он всегда попадал в беду, и в какой-то момент (наверное, после того как я подтерся ядовитым плющом) он сообразил, что имеет смысл звать в компанию братца Стива, когда в воздухе пахнет паленым. Дэйв никогда не просил меня поддержать все его проказы, часто блестящие – он не был ни ябедой, ни трусом, – но были случаи, когда он просил меня разделить ответственность. Потому мы и влипли оба, когда Дэйв запрудил ручеек, текущий через джунгли, и залил приличный кусок внизу Уэст-боард-стрит. Общая ответственность и была причиной того, что мы чуть не погибли, когда воплощали в жизнь его потенциально смертельный школьный проект.

Наверное, это было в пятьдесят восьмом. Я учился в центральной начальной школе, а Дэйв – в средней Стратфордской. Мама работала в прачечной, где была единственной белой леди в разношерстной группе гладильщиц. Этим она там и занималась – совала простыни под гладильный каток, когда Дэйв построил свой Научный Проект.

Мой старший брат был не из тех ребят, кто довольствуется черчением блок-схем на миллиметровке или строительством Дома Будущего из кубиков конструктора, – Дэйв стремился к звездам. Этот проект назывался «Супер-дупер электромагнит Дэйва». У моего брата всегда была слабость ко всему, что «супер-

дупер», и к тому, что носит его имя. Эта последняя привычка породила и «Горчичник Дэйва», до которого мы скоро дойдем.

Первый вариант «Супер-дупер электромагнита» был совсем не супер-дупер; может, он вообще не работал – я точно не помню. Зато он на самом деле был взят из настоящей книги, а не из головы Дэйва. Идея была такая: намагничиваешь плотницкий костыль, натирая его об обычный магнит. Как говорила книга, магнитный заряд костыля будет слабым, но его хватит поднять несколько железных опилок. После этого надо было намотать вокруг костыля витки медного провода, а концы провода подсоединить к клеммам батарейки. В книге говорилось, что электричество усилит магнетизм и можно будет поднять куда больше опилок.

Но Дэйв в гробу видал поднимать какие-то дурацкие железные опилки. Он хотел поднимать машины, железнодорожные платформы, может, даже военные транспортные самолеты. Дэйв собирался порезвиться на всю катушку, планету сдвинуть с орбиты.

Вот супер, так супер!

У каждого из нас была в создании «Супер-дупер электромагнита» своя роль. Делом Дэйва было его построить. Мое – испытать. Малыш Стиви Кинг, ответ Стратфорда Чаку Ягеру.

В варианте Дэйва надо было обойтись без этой занюханной батарейки (все равно она уже подседа, еще когда мы ее купили в скобяной лавке, как резонно заметил он), заменив ее настоящим током из стенной розетки. Дэйв срезал провод с лампы, которую кто-то выбросил на свалку с прочим мусором, ободрал изоляцию до самой вилки и обернул свой намагниченный костыль витками голого провода. Потом, сидя на полу нашей кухни, он протянул мне «Супер-дупер электромагнит» и призвал выполнить свою часть работы – воткнуть вилку.

Я заколебался – надо отдать мне должное, – но маниакальный энтузиазм Дэйва мне было долго не выдержать. Я воткнул вилку. Заметного магнетизма не было, но эта штука вырубилла все лампочки, все электроприборы в доме и все лампочки с электроприборами в соседнем доме (где жила на первом этаже девушка моей мечты). Что-то бухнуло в трансформаторной будке на столбе напротив дома, и приехали копы. Мы с Дэйвом провели ужасные полчаса, глядя из окна маминой

спальни (единственное, выходявшее на улицу – из остальных открывался прекрасный вид на вытопанный задний двор, где единственным живым существом была собачатина по кличке Руп-Руп). Когда уехали копы, приехал грузовик с монтерами. Человек в шипастых ботинках полез на столб между двумя домами осматривать трансформатор. В любом другом случае это бы полностью поглотило наше внимание, но не в тот день. Тогда мы только думали, будет ли мама нас навещать в приюте для малолетних преступников. В конце концов снова появился свет, и грузовик с монтерами уехал. Нас не схватили, и мы дожили до зари следующего дня. Дэйв решил, что вместо «Супер-дупер электромагнита» можно построить «Супер-дупер глайдер». А мне он пообещал, что первым на нем проедусь я. Классно было бы, правда?

11

Я родился в 1947 году, и у нас телевизора не было аж до пятьдесят восьмого. Первая передача, которую я помню, это был «Робот-монстр» – фильм, где мужик, одетый в костюм обезьяны с аквариумом на голове – Ро-Мэн его звали, – мотался по свету, стараясь убить последних выживших в ядерной войне. Для меня это было искусство самой высокой пробы.

Еще я смотрел «Дорожный патруль» с Бродериком Кроуфордом в роли бесстрашного Дэна Мэтьюза и «Шаг вонне» с Джоном Нейландом – обладателем самых страшных в мире глаз. Были еще «Шайены» и «Морской охотник», «Твой хит-парад» и «Энни Оукли», был Томми Реттинг, первый из многочисленных друзей Лэсси, Джок Махони в роли «Одинокого всадника» и Энди Девин, своим непривычным высоким голосом орущий: «Эй, подожди меня, Дикий Билл!» Целый мир увлекательных приключений, упакованный в черно-белый прямоугольник с диагональю четырнадцать дюймов, спонсируемый фирмами, названия которых до сих пор звучат для меня музыкой. Я любил этот мир.

Но телевидение пришло в дом Кингов относительно поздно, и я этому рад. Если подумать, я принадлежу к весьма избранной группе: последней горсточке американских писателей, научившихся читать и писать раньше, чем глотать ежедневную порцию видеочуши. Может, это и не важно. И все-таки если хочешь быть писателем, то не самый худший вариант – ободрать шнур телевизора, намотать его на стальной костыль и ткнуть вилку в розетку – посмотреть, что и

где вылетит.

Это так, к слову.

12

В конце пятидесятых некто Форрест Дж. Аккерман, литературный агент и сумасшедший собиратель всяческой научной фантастики, изменил жизнь тысяч ребяташек – мою в том числе, – когда стал выпускать журнал «Знаменитые монстры Фильмландии». Спросите об этом журнале любого, кто имел отношение к любым фэнтези – ужастикам – научной фантастике за последние тридцать лет, и вам в ответ мелькнет улыбка, зазвучит смех, заискрятся глаза и польется поток ярких воспоминаний. Гарантирую.

Где-то году в шестидесятом Форри (иногда называвший себя Аккермонстр) породил недолго проживший, но интересный журнал «Космонавт», где рецензировались научно-фантастические фильмы. В том же шестидесятом я послал в этот журнал рассказ. Насколько я помню, это был первый рассказ, который я послал для публикации. Названия не помню, но тогда я был еще в Ро-Мэновском периоде своего развития, и этот рассказ был наверняка многим обязан обезьяне-убийце с аквариумом на голове.

Рассказ не был принят, но Форри его сохранил. (Форри все сохраняет, что может подтвердить любой, кто был хоть раз у него дома.) Примерно через двадцать лет, когда я раздавал автографы в книжном магазине в Лос-Анджелесе, Форри стал в очередь... с моим рассказом, напечатанным через один интервал на давно почившей пишущей машинке «Ройял», которую мне мама подарила на одиннадцатилетие. Он хотел, чтобы я ему эту книгу надписал, и я, кажется, так и сделал, хотя сам эпизод был таким сюрреалистичным, что точно не помню. Призраки прошлого? Это вы мне говорите?!

13

Первый рассказ, который я действительно напечатал, появился в журнале фантастики и ужасов Майка Гаррета в Бирмингеме, штат Алабама (Майк все еще крутится в этом бизнесе). Эту новеллу он напечатал под заглавием «В полумире ужаса», но мое мне все равно нравится больше. Знаете какое? «Я – малолетний грабитель могил»! Супер-дупер!

14

Первая оригинальная идея рассказа (думаю, первую идею всегда запоминаешь) пришла ко мне к концу восьмилетнего периода благоденствия под правлением Айка. Я сидел на кухне нашего дома в Дерхеме, штат Мэн, и смотрел, как мама наклеивает в книжечку зеленые «талоны счастья». (Более яркую историю о талонах см. «Клуб лжецов».) Наша семейная троица вернулась в штат Мэн, чтобы мама могла присматривать за родителями в их преклонные года. Бабуле было под восемьдесят, была она жирной гипертоничкой, почти слепой. Дедуле было восемьдесят два, иссохший, мрачный, он иногда раздражался утиным кряканьем, которое могла понять только мама. Она дедулю называла «Батяня».

Мамины сестры отдали ей эту работу, надеясь, наверное, одним выстрелом убить двух зайцев: престарелые родители получают уход любящей дочери у родного очага, а заодно решается Проблема Рут. Она больше не будет мотаться, воспитывая двух мальчишек, из Индианы в Висконсин и Коннектикут, то выпекая пирожки в пять утра, то прессуя белье в прачечной, где жара была градусов сорок пять летом и десятник раздавал солевые пилюли каждый полдень от июля до середины сентября.

Думаю, эта новая работа ей не нравилась. Вышло так, что сестры, желая о ней позаботиться, превратили нашу самостоятельную, веселую и чуть взбалмошную мать в издольщика, живущего почти без наличных. Денег, которые присылали сестры, хватало на еду, но больше почти ни на что. Для нас они присылали коробки с одеждой. К концу каждого лета дядя Клейт и тетя Элла (кажется, они вообще не были нашими родственниками) привозили ящик овощных консервов. Дом, в котором мы жили, принадлежал тете Этелин и дяде Орону. И мама, оказавшись здесь, отсюда уже не выбралась. Когда старики умерли, она нашла другую работу, но жила в том же доме, пока не умерла от рака. Когда она покидала Дерхем в последний раз – последние месяцы ее болезни за ней

ухаживали Дэвид и его жена Линда, – мне кажется, она была более чем готова пуститься в путь.

15

Давайте проясним одну вещь прямо сейчас, о'кей? Нет на свете Свалки Идей, нет Центрального Хранилища, нет Острова Погибших Бестселлеров. Хорошие идеи рассказов приходят в буквальном смысле ниоткуда, падают прямо на голову с ясного неба: две совершенно отдельные мысли сцепляются вместе, и под солнцем возникает что-то новое. Ваша работа не искать эти идеи, а узнать их, когда они появятся.

В тот день, когда ко мне приплыла эта идея – самая первая из хороших, – мама заметила, что ей нужно еще шесть книжек талонов, чтобы получить лампу, которую она хочет подарить сестре Молли на Рождество, и, кажется, она не успеет вовремя.

– Ладно, тогда это будет ей на день рождения, – сказала мама. – Эти противные бумажки – всегда кажется, что их много, пока их в книжку не подклеишь.

Она скосила глаза и высунула язык. Я заметил, что он у нее позеленел от подклеивания талонов. Мне пришла мысль, как хорошо было бы самим делать эти проклятые талоны у себя в подвале, и в тот же миг родился рассказ «Талоны счастья». При виде зеленого маминого языка тут же родилась мысль о подделке счастливых талонов.

Героем рассказа был классический Типичный Недотепа – хмырь по имени Роджер, который уже отсидел два раза за подделку банкнотов. Еще раз, и он станет трижды неудачником. И он вместо денег решил подделывать «счастливые талоны»... только, как выяснилось, структура этих талонов была так идиотски проста, что даже подделкой это не назовешь; он делал груды натуральных изделий. В смешной сцене – наверное, первой по-настоящему профессиональной из всех, что были мной написаны – Роджер со старухой-матушкой сидят в гостиной своего дома, копаясь в каталоге «Счастливых талонов», а внизу шлепает пресс, выдавая эти торговые талоны лист за листом.

– Господи ты мой Боже! – говорит мать. – Если верить объявлению, Роджер, то по счастливым талонам можно получить что угодно – только скажи им, чего ты хочешь, а они посчитают, сколько тебе надо на это книжек талонов. Слушай, шесть-семь миллионов книжек – и у нас будет дом в пригороде на «счастливые талоны»!

Но Роджер обнаруживает, что хотя талоны отличные, клей у них дефектный. Если их лизнуть и наклеить в книжку, то все нормально, но если пропустить через механическую лизалку, розовые талоны становятся синими. В конце рассказа Роджер стоит в подвале перед зеркалом. За ним на столе свалены примерно девяносто книжек талонов, каждая заполнена талонами, облизанными лично. У героя губы розовые. Он высовывает язык – тот еще розовее. И даже зубы порозовели. Мать радостно кричит вниз, что она только что дозвонилась до Национального Центра выкупа счастливых талонов в Терре-Хоте, и ей сказала тамошняя леди, что прекрасный тюдоровский особняк в Уэстоне обойдется всего лишь в одиннадцать миллионов шестьсот тысяч книжек счастливых талонов.

– Отлично, мама, – отвечает Роджер. Он еще секунду глядит на себя в зеркало – розовые губы и потухшие глаза, потом медленно поворачивается к столу. За ним весь пол подвала уставлен корзинами с миллиардами свежих счастливых талонов. Наш герой медленно открывает чистую книгу талонов, начинает облизывать листы и лепить их в книжку. «Всего одиннадцать миллионов пятьсот девяносто тысяч книжек осталось, и у мамы будет этот тюдоровский дом», – думает он, и рассказ на этом кончается.

В рассказе было много проколов (самый большой, наверное, в том, что Роджер мог просто начать все сначала с новым клеем), но он был живой, по-настоящему оригинальный, и я знал, что написал хорошую вещь. После долгого изучения рынка по потрепанному экземпляру «Райтерз дайджест» я отослал «Талоны счастья» в «Хичкок мистери мэгэзин». Рукопись вернулась через неделю с приложенным бланком отказа. На бланке был узнаваемый профиль Альфреда Хичкока, нарисованный красными чернилами, и пожелание удачи в призраивании рассказа. Внизу была приписка без подписи – единственное личное послание, которое я получил от «Мистери мэгэзин» за восемь лет регулярной посылки рукописей. Сей постскрипtum гласил: «Не сшивайте рукописи степлером. Пользуйтесь скрепками». Совет довольно прохладный, как мне тогда подумалось, но в своем роде очень полезный. С тех пор я никогда не сшивал рукописи.

Моя комната в нашем дерхемском доме была наверху, под скатами крыши. Ночью я лежал в постели под скатом – если бы я сел, мог бы отлично стукнуться головой – и читал при свете лампы на гибкой стойке, которая отбрасывала на потолок причудливую тень в виде боа-констриктора. Иногда в доме бывало тихо, только вздыхала печка и бегали крысы на чердаке, иногда бабка час или больше орала ночью, чтобы посмотрели, как там Дик, а то его, кажись, не покормили. Дик – конь, который был у нее в годы учительства – уже лет сорок как окошел. Под другим скатом крыши у меня стоял письменный стол, старая машинка «Ройял» и примерно сотня книг в бумажной обложке – в основном научная фантастика, выстроенная вдоль плинтуса. На столе находилась Библия – награда за выученные стихи в Обществе молодых методистов, и проигрыватель «Вебкор» с автоматической сменой пластинок и диском, покрытым мягким зеленым бархатом. Я на нем крутил свои пластинки – в основном сорокапятки: Элвис, Чак Берри, Фредди Кэннон и Фэтс Домино. Фэтса я любил: он понимал, как исполнять рок, и было понятно, что он сам от этого ловит кайф.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Curriculum vitae – жизнеописание (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/kak-pisat-knigi-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)